

DOI: 10.31857/S0869049922020046  
EDN: EVFYDU

Оригинальная статья / Original Article

## Морехозяйственные аспекты Системы Договора об Антарктике<sup>1</sup>

© П.А. ГУДЕВ

**Гудев Павел Андреевич**, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), gudev@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-2951-6313

В статье рассмотрены вопросы различных видов морехозяйственной деятельности в Антарктике, включая разведку генетических ресурсов морского дна, морские научные исследования, регулирование рыболовства, борьбу с незаконным, неконтролируемым и нерегулируемым выловом водных биологических ресурсов, создание морских охраняемых районов и развитие туристической активности (в том числе круизного судоходства). Сделаны выводы о том, что данные виды деятельности содержат в себе достаточно высокий уровень конфликтного потенциала, зачастую не имеют соответствующего правового регулирования или в той или иной степени противоречат действующим нормам современного международного – прежде всего морского – права, а также подвержены высокой степени политизированности. Данные особенности приводят к тому, что Система Договора об Антарктике сталкивается с новыми вызовами и вынуждена подстраиваться под меняющиеся условия, но эта адаптация, в свою очередь, угрожает ее устойчивости.

**Ключевые слова:** морские научные исследования, биоразведка, биоразнообразие, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., АНТКОМ, ННН промысел, водные биоресурсы, криль, МОР, туризм, Полярный Кодекс, МАРПОЛ

**Цитирование:** Гудев П.А. (2022) Морехозяйственные аспекты Системы Договора об Антарктике // Общественные науки и современность. № 2. С. 48–62. DOI: 10.31857/S0869049922020046, EDN: EVFYDU

---

<sup>1</sup> Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project «Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation» supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

# Maritime Aspects of the Antarctic Treaty System

© P. GUDEV

**Pavel A. Gudev**, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), gudev@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-2951-6313

**Abstract.** The paper studies issues related to the implementation of certain types of marine economic activities in the Antarctic, including exploration of the seabed genetic resources, marine scientific research, regulation of fishing activities, combating illegal, uncontrolled and unregulated catch of aquatic biological resources, creation of marine protected areas and development of tourist activity including cruise shipping. The analysis concluded that all these types of activities contain a high conflict potential, often do not have an appropriate legal regulation or in one way or another contradict the current norms of modern international, primarily maritime, law, and are the subject to a high degree of politicization. In general, this leads to the conclusion that the Antarctic Treaty System faces new challenges and has to adapt to the changing conditions, but this adaptation in turn threatens its stability.

**Keywords:** marine scientific research, bioprospecting, biodiversity, 1982 UN Convention on the Law of the Sea, CCAMLR, IUU, aquatic bioresources, krill, IOR, tourism, Polar Code, MARPOL

**Citation:** Gudev P. (2022) Maritime Aspects of the Antarctic Treaty System. *Obshchestvennyye nauki I sovremennost'*, no. 2, pp. 49–62. DOI: 10.31857/S0869049922020046, EDN: EVFYDU

## Проблема свободы морских научных исследований

Как известно, свобода проведения морских научных исследований (МНИ) – одна из шести свобод открытого моря. Договор об Антарктике предполагает, что в пределах 60° южной широты есть район открытого моря, который, правда, никак не обозначен. Положения Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики (Конвенция 1988 г.) указывают на то, что в зоне действия Договора об Антарктике есть как континентальный шельф (КШ), так и глубоководные районы морского дна. Режим морских научных исследований (МНИ) в КШ прописан в Конвенции ООН по морскому управу 1982 г. (Конвенция 1982 г.), проведение МНИ в отношении глубоководных районов регулирует Международный орган по морскому дну (МОМД). Данная ситуация ведет к определенным противоречиям.

С точки зрения государств, которые отвергают любые претензии других стран, наиболее выгодная позиция – признание полной свободы МНИ как на материке, так и в морских зонах вокруг него, которые такие государства могут рассматривать как акваторию открытого моря. Однако для стран-претендентов, которые заявляют о своих правах на морские зоны суверенитета и юрисдикции вокруг Антарктиды, а также считают себя полноправными «прибрежными» государствами, все выглядит немного иначе.

Так, Конвенция 1982 г. предполагает, что в пределах территориального моря (ТМ) проведение любых МНИ носит исключительно разрешительный характер (ст. 245). В пределах же ИЭЗ и на КШ любые виды МНИ находятся под юрисдикцией прибрежного государства, и, соответственно, требуют получения его формального согласия на проведение исследований (ст. 246).

В результате, например, Австралия, которая на национальном законодательном уровне установила и режим ТМ, и режим ИЭЗ в отношении Австралийской антарктической

территории [Green 2001, 5], исходит из того, что свобода МНИ в зонах под «ее» суверенитетом и юрисдикцией действует лишь в отношении других участников Договора 1959 г., а в отношении остальных стран используется режим Конвенции 1982 г.

Договор же об Антарктике провозглашает свободу научных исследований для всех стран – независимо от того, участвуют ли они в нем или нет. Представляется, что в связи с тем, что свобода проведения научных исследований существовала в регионе и до подписания Договора 1959 г., данное положение можно рассматривать как норму международного обычного права, которая применяется ко всем государствам в одинаковой степени. Соответственно, любые попытки тех или иных государств, заявивших о своих территориальных претензиях, ограничить толкование указанного положения и рассматривать его исключительно как договорное обязательство по отношению лишь к другим участникам Договора 1959 г. представляются несостоятельным [Голицын 1990, 12].

Можно выдвинуть предположение, что Консультативное совещание Договора об Антарктике (КСДА) следует наделить коллективной юрисдикцией по контролю и регулированию МНИ как на самом материке, так и в прилегающих морских районах с особым акцентом на природоохранные меры в рамках Мадридского протокола (Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике). Данное решение может стать путем разрешения текущих противоречий [Lefebver 2013].

### **Проблема регулирования доступа к генетическим ресурсам**

Многие страны заинтересованы проводить работы по биоразведке, то есть исследовать генетические ресурсы морского дна в зоне действия Договора об Антарктике. Интерес не случаен – биота в данной зоне имеет уникальные характеристики, экстремальные условия окружающей среды привели к эволюции ряда физиологических адаптаций, а биологические ресурсы Антарктики – особенно большое количество местных антарктических микроорганизмов – рассматриваются как потенциально богатые источники материалов для различных отраслей промышленности [Guyonard 2006, 148].

Однако неизбежно встает вопрос: как согласовать такую деятельность с положениями СДА – и прежде всего с недопустимостью новых претензий на суверенитет, свободой проведения научных исследований, с одной стороны, и необходимостью защиты морских антарктических экосистем, с другой. Биоразведка может стать катализатором ревизии всей Системы, т.к. в ее рамках неизбежно встают вопросы, которые касаются собственности, доступа, патентования, распределения выгод, и, наконец – суверенитета и юрисдикции [Scott 2013, 32].

Проект соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции, который нацелен на регулирование доступа к морским генетическим ресурсам, на сегодняшний день находится в стадии согласования. Однако некоторые выводы сделать уже можно<sup>2</sup>.

Во-первых, ни одно государство не может претендовать на суверенитет или суверенные права в отношении морских генетических ресурсов в районах за пределами действия

---

<sup>2</sup> Шувалова Т. В ООН разрабатывают новый документ по сохранению морского биоразнообразия. РСМД. ([https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-oon-razrabatyvayut-novyy-dokument-po-sokhraneniuyu-morskogo-bioraznoobrazziya/?sphrase\\_id=43746422](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-oon-razrabatyvayut-novyy-dokument-po-sokhraneniuyu-morskogo-bioraznoobrazziya/?sphrase_id=43746422)); Шувалова Т. Морское биоразнообразие в поле зрения ООН: в ожидании новых ответов на старые вопросы. РСМД. ([https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/morskoe-bioraznoobrazie-v-pole-zreniya-oon-v-ozhidanii-novykh-otvetov-na-starye-voprosy/?sphrase\\_id=30982812](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/morskoe-bioraznoobrazie-v-pole-zreniya-oon-v-ozhidanii-novykh-otvetov-na-starye-voprosy/?sphrase_id=30982812)).

национальной юрисдикции. В проекте Соглашения зафиксировано, что «использование морских генетических ресурсов в районах за пределами действия национальной юрисдикции должно осуществляться на благо всего человечества в целом с учетом интересов и потребностей развивающихся государств» (ст. 9(4))<sup>3</sup>.

Во-вторых, предполагается, что «морские генетические ресурсы... не должны становиться предметом патентов, за исключением тех случаев, когда такие ресурсы видоизменяются под вмешательством человека, в результате чего получается продукция промышленного применения...» (ст. 12(3)). Тем не менее, пользователи морских генетических ресурсов и заявители патентов должны раскрывать происхождение морских генетических ресурсов, а также консультироваться с Научно-техническим органом при подаче заявки на патенты с целью совместного использования выгод (ст. 12(4)).

Целый ряд вопросов остается нерешенным. Так, пока нет окончательного понимания относительно институциональных механизмов регулирования, в том числе того, какую роль в данном процессе будет играть МОМД. Применительно к зоне действия Договора об Антарктике также не понятно, как будет происходить взаимодействие и координация между самой СДА и новыми структурами, которые отвечают за защиту биоразнообразия за пределами зон национальной юрисдикции. Наконец, до конца не урегулирован вопрос о том, как между собой будет соотноситься свобода проведения научных исследований и предусмотренный Конвенцией 1959 г. обмен данными и результатами научных наблюдений, а также свободный доступ к ним (ст. 3(1с)), с одной стороны, и использование генетических ресурсов – то есть их добыча, промысел, получение, извлечение, сбор, анализ, обработка – в коммерческих целях или с целью коммерческой выгоды (ст. I (15 alt. 2)), с другой. Принимая во внимание то обстоятельство, что основными интересантами доступа к исследованию генетических ресурсов будут крупнейшие корпорации (прежде всего фармацевтические), которые в большинстве своем не подконтрольны государству, данная проблема требует самого пристального внимания. Не размоют ли в таком случае неизбежная коммерциализация, патентное право и институт интеллектуальной собственности тот режим, который действует в рамках СДА [*Jabour-Green, Nicol 2003, 76*]?

### **Конвенция АНТКОМ (пространственно-правовые противоречия)**

Одним из важных элементов СДА считается Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г. и ее регулирующий орган – Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ). Зона действия АНТКОМ шире зоны действия Договора 1959 г.: на определенных участках она проходит в диапазоне 60-55° – 50-45° ю.ш.<sup>4</sup>, что обусловлено границами Антарктического полярного фронта, или же Конвергенции. В результате в зоне ее действия находятся обширные пространства открытого моря, а также целый ряд субантарктических островов, расположенных севернее 60° ю.ш., а именно: о-в Херд и о-ва Макдональд (Австралия), о-ва Кергелен и Крозе (Франция), о-в Буве (Норвегия), о-ва Принс-Эдуард (ЮАР), Южная Георгия и Южные Сандвичевы о-ва (Великобритания/Аргентина). Они наделены правом по формированию предписанных Конвенцией 1982 г. морских зон суверенитета, суверенных прав и юрисдикции, в ко-

<sup>3</sup> Draft text of an agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction. A/CONF.232/2019/6. ([https://digitalibrary.un.org/record/3811328/files/A\\_CONF-232\\_2019\\_6-EN.pdf](https://digitalibrary.un.org/record/3811328/files/A_CONF-232_2019_6-EN.pdf)).

<sup>4</sup> Зона действия Конвенции. АНТКОМ. (<https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-CCAMLR-Convention-Area.pdf>).

торых находится значительное количество ценных видов водных биологических ресурсов (ВБР) – в том числе патагонский клыкчак [Moleenar 2001].

В отношении французских островов Кергелен и Крозе было отдельно заявлено, что Франция имеет все полномочия по сохранению тех национальных мер, которые она установила в морских зонах островов до вступления в силу Конвенции 1980 г., причем они могут быть более строгими, чем меры АНТКОМ. Данное правило применимо и к морским зонам всех других островов<sup>5</sup>.

В связи с данной особенностью возникает очередное противоречие: какие меры по защите ВБР и контролю за рыболовством должны беспрекословно соблюдать страны, если они ведут вылов в пределах морских зон – в данном случае ИЭЗ – вокруг таких островов: национальные или введенные в рамках АНТКОМ [Serdy 2013]? Так, на практике борьба с ННН (незаконным, нерегистрируемым, нерегулируемым) выловом ВБР, которую ведут прибрежные страны в пределах ИЭЗ таких островов, приводит к определенным правовым казусам. Например, в деле об аресте российского судна «Волга» властями Австралии по обвинению в незаконной рыбной ловле в австралийской рыболовной зоне в пределах ИЭЗ о-вов Херд и Макдональд вице-президент Международного Трибунала по морскому праву высказал мнение, что такие необитаемые о-ва, как французский Кергелен, равно как австралийские Херд и Макдональд, не должны вообще обладать ИЭЗ. По крайней мере, посчитал он, нет необходимости в том, чтобы отдельные государства применяли свои собственные меры в провозглашенной ими ИЭЗ внутри сферы действия АНТКОМ, которая и так предусматривает природоохранные меры и систему наблюдения и инспекций<sup>6</sup>.

### ННН промысел

Долгие годы, если не десятилетия, с принятия Конвенции АНТКОМ ННН промысел – в основном таких ценных видов, как криль и патагонский клыкчак – оставался одним из главных вызовов в рамках СДА [Vidas 2000, 201]. Он подрывал ее природоохранную направленность и противоречил введенному в ее рамках экосистемному подходу. Ситуация осложнялась двумя обстоятельствами. Во-первых, в ННН вылов было вовлечено большое количество судов под так называемыми удобными флагами, то есть контроль за их деятельностью со стороны государства флага был минимальным или же просто отсутствовал. Во-вторых, юрисдикцию АНТКОМ в водах Антарктики, где предполагается наличие неочерченного района открытого моря, признают не все государства – в особенности это относится к странами-нечленам.

Для решения данной проблемы комиссия проделала большую работу, в частности по налаживанию сотрудничества и взаимодействия между членами и не членами АНТКОМ; по получению разрешений со стороны государств флага на ведение их судами промысла в конвенционной зоне; по введению системы документации улова (СДУ); по отслеживанию выгрузки, включая портовые инспекции; по соблюдению соответствующих мер по сохранению даже со стороны государств, которые не участвуют в АНТКОМ; по ведению списка ННН судов договаривающихся и недоговаривающихся сторон. И если раньше среди судов, вовлеченных в ННН промысел, были даже такие уважаемые государства флага, как Дания, Канада, КНР, Мальта, Португалия и Сингапур, то теперь их количество сокра-

---

<sup>5</sup> Заявление Председателя Конференции по сохранению морских живых ресурсов Антарктики. CCAMLR. (<https://www.ccamlr.org/ru/organisation/camlr-convention-text>).

<sup>6</sup> Declaration of Vice-President Vukas. ITLOS. ([https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case\\_no\\_11/11\\_judgment\\_231202\\_dec\\_Vukas\\_en.pdf](https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_11/11_judgment_231202_dec_Vukas_en.pdf)).

тилось до следующих стран: Того, Гамбия, Ангола, Иран, Нигерия, Сент-Винсент и Гренадины, Панама.

Прискорбно, что по запросу Новой Зеландии по итогам воздушного наблюдения российское судно «Палмер» обвинили в ННН промысле в закрытом подрайоне в январе 2020 г. США и ЕС активно выступали за включение этого судна в список ННН судов. Россия со своей стороны настаивает на отсутствии нарушений, ставя под сомнение правильность представленных Новой Зеландией данных. Солидарность с позицией России выразила только КНР, которая заявила об отсутствии правил и процедур АНТКОМ в области наблюдения с воздуха<sup>7</sup>. В целом же можно констатировать, что существующие межгосударственные противоречия между Россией и странами Запада не обошли стороной и проблему ННН промысла – она также становится чрезмерно политизированной, что представляет серьезную угрозу всей устойчивости США.

### Проблема создания морских охраняемых районов

Именно внутри АНТКОМ с 1985 по 2005 гг. разрабатывалась методология формирования морских охраняемых районов, или МОР (МРА, Marine Protected Areas) [Serdy 2013]. Цель их создания – охрана видов и экосистемных процессов, мест обитания и биоразнообразия.

В 2009 г. АНТКОМ по инициативе Великобритании создала первый МОР в открытом море в районе Южных Оркнейских островов (94 тыс. км<sup>2</sup>). В рамках района были запрещены все типы промысловой деятельности, за исключением научно-промысловых исследований<sup>8</sup>. В конце 2016 г. по инициативе США и Новой Зеландии был сформирован защищенный район площадью 1,57 млн км<sup>2</sup> (изначально планируемая площадь – 2,1 млн км<sup>2</sup>) в море Росса сроком на 35 лет. Данное событие ознаменовало создание первого в мире МОР такого масштаба, в котором те или иные виды морехозяйственной деятельности (прежде всего вылов клыкача) строго ограничиваются<sup>9</sup>. Сейчас на повестке дня стоит обсуждение вопроса о создании трех МОР в Восточной Антарктике площадью около 1,7 млн км<sup>2</sup> в соответствии с предложением Австралии, Франции и ЕС, МОР в районе моря Уэдделла и Западного Антарктического полуострова, а также расширение и ужесточение мер в МОР субантарктических островов<sup>10</sup> (рис. 1).

Создание таких районов предполагает: «сохранение включает рациональное использование», «вытесненные данным МОР промыслы будут перераспределены в районах за пределами МОР», а также «ничто в настоящей мере по сохранению не должно быть истолковано или использовано таким образом, чтобы ущемить права или обязанности любого государства в рамках международного права, в т. ч. в том виде, в каком это отражено в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву»<sup>11</sup>.

<sup>7</sup> Отчет тридцать девятого совещания Комиссии. 27–30 октября 2020 г. С. 3-6. (<https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-cc-39-rep.pdf>).

<sup>8</sup> Мера по сохранению 91-03 (2009) Охрана южного шельфа Южных Оркнейских островов. С. 264 ([https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21\\_2.pdf](https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21_2.pdf)).

<sup>9</sup> Мера по сохранению 91-05 (2016) Морской охраняемый район в регионе моря Росса. С. 273-274 ([https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21\\_2.pdf](https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21_2.pdf)).

<sup>10</sup> Потребность в сети морских охраняемых районов в Южном океане ([https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2021/05/need\\_for\\_mpa\\_network\\_final\\_ru.pdf](https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2021/05/need_for_mpa_network_final_ru.pdf)).

<sup>11</sup> Мера по сохранению 91-05. Морской охраняемый район в регионе моря Росса. 2016. С. 271. ([https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21\\_2.pdf](https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21_2.pdf)).

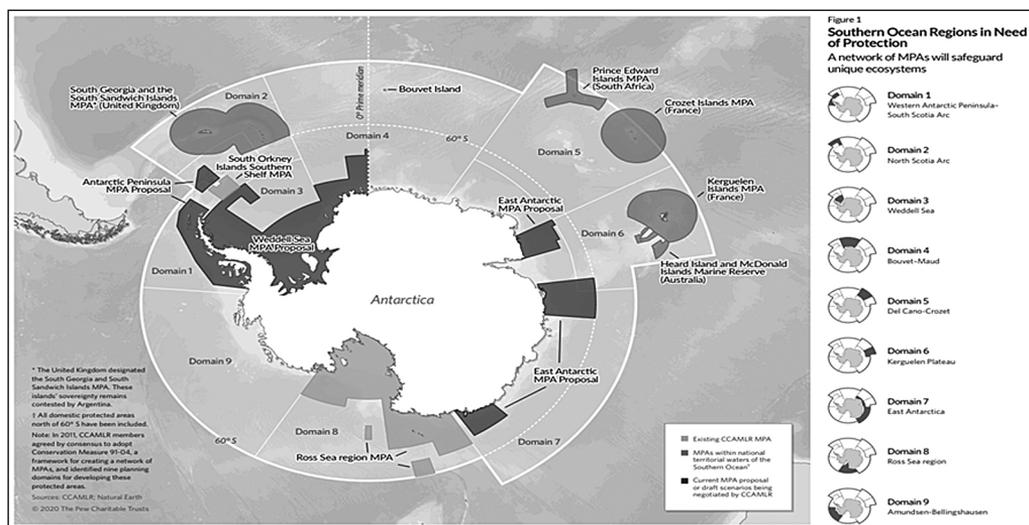


Рис. 1. Существующие и планируемые МОР в зоне действия АНТКОМ

Figure 1. Existing and planned MPAs in the CCAMLR area

Источник: [https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2020/10/need\\_for\\_mpa\\_network.pdf](https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2020/10/need_for_mpa_network.pdf).  
 Source: [https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2020/10/need\\_for\\_mpa\\_network.pdf](https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2020/10/need_for_mpa_network.pdf).

Учитывая, что в ст. VI Договора об Антарктике говорится о существовании здесь неочерченного района открытого моря, создание МОР в данном регионе приводит к определенной правовой дилемме. Дело в том, что создание МОР в районах открытого моря напрямую противоречит нормам и положениям Конвенции 1982 г., так как фактически создается некий «закрытый» район в зоне, которая не может принадлежать ни одному государству [Гудев 2014]. Данное противоречие предоставляет право некоторым странам утверждать, что создание МОР в открытом море нарушает положения ст. 89 Конвенции 1982 г. о неправомерности претензий на суверенитет над открытым морем.

С другой стороны, в упомянутом выше проекте соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции созданию таких районов в открытом море уделяется первоочередное внимание. Одновременно предполагается, что именно Региональные организации по регулированию рыболовства (РОРР), такие как АНТКОМ, будут наделены полномочиями по разработке научно-обоснованных планов создания комплексных МОР, что позволит добиться их всеобщего признания<sup>12</sup>.

На сегодняшний день «противостояние» по этому вопросу разделило экспертов на два лагеря.

С точки зрения первых, создание МОР в зоне действия АНТКОМ теоретически противоречит ключевому принципу, зафиксированному в самой Конвенции, а именно: «целью настоящей Конвенции является сохранение морских живых ресурсов Антарктики».

<sup>12</sup> Шувалова Т. В ООН разрабатывают новый документ по сохранению морского биоразнообразия. РСМД. ([https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-oon-razrabatyvayut-novyy-dokument-po-sokhraneniuyu-morskogo-bioraznoobraziya/?sphrase\\_id=43746422](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-oon-razrabatyvayut-novyy-dokument-po-sokhraneniuyu-morskogo-bioraznoobraziya/?sphrase_id=43746422)).

Однако «для целей настоящей Конвенции термин «сохранение» включает рациональное использование» (ст. II (2))<sup>13</sup>.

С точки зрения вторых, создание МОР и запрет на те или иные виды деятельности (прежде всего рыболовство) не противоречит «рациональному использованию», так как последнее в большей степени соответствует «устойчивому использованию», ведь именно такая интерпретация было закреплена в рамках задачи по расширению количества МОР в открытом море после Саммита по устойчивому развитию в Рио-Де-Жанейро в 2002 г. [Smith, McGee, Jabour 2016].

Традиционные противники МОР, среди которых Россия, Украина, Китай, Япония и другие страны, заинтересованные в морском промышленном рыболовстве, настаивали всегда на обратном: «рациональное использование» напрямую разрешает эксплуатацию морских ресурсов и она не может быть запрещена. Наиболее объективную позицию еще в 2012 г. высказывала украинская делегация, которая заявила: «Вводя постоянные ограничения на разведочный промысел в определенных районах, мы пришли к тому, что ловить рыбу можно только в очень локализованных районах. От организации, которая должна разрабатывать методы обеспечения рационального использования морских живых ресурсов, АНТКОМ постепенно превратилась в организацию, ориентированную только на их сохранении. Как мы видим, если ситуация будет продолжаться в том же духе, то существующая Конвенция потеряет всякий разумный смысл. Тогда возникнет необходимость говорить о прекращении действия Конвенции и создании новой, или о пересмотре Конвенции»<sup>14</sup>.

Позиция отечественной рыбопромысловой науки также исходит из того, что расширение количества МОР ставит под вопрос дальнейшее развитие промысла тех или иных ценных видов, так как биоресурсы Антарктики перестают быть общедоступными и становятся изолированными в рамках МОР [Зайцев, Ребик, Кухарев 2019]. Тенденцией же последних лет становится все большая ориентация АНТКОМ «на пропагандируемые в СМИ и ничем не обоснованные, но научнообразно сформулированные природоохранные требования к мировому сообществу, включая предложение по полному запрету рыбного промысла в океане, по повсеместному введению МРА, по борьбе с последствиями изменения климата и пр., которые носят алармистский характер и рассчитаны на положительную оценку радиальной экологической общественности» [Кухарев, Зайцев 2018].

В то же время страны-члены АНТКОМ, которые одновременно являются и странами-претендентами, неоднократно пытались добиться разрешения на передачу под их управление тех или иных акваторий МОР. Лишь благодаря усилиям России, Украины, Японии и Китая удалось заблокировать этот вопрос на очередной сессии АНТКОМ несколько лет назад [Кухарев, Зайцев 2018]. Такие действия со стороны государств-претендентов не могут рассматриваться иначе, как стремление ограничить те или иные виды морехозяйственной деятельности на территориях и в акваториях, на которые они пытаются распространить свой суверенитет и юрисдикцию [Лукин 2014]. Ситуация усугубляется тем, что предлагаемые ими запреты, например, в отношении донного, тралового и ярусного промыслов, носят явный спекулятивный характер, так как они сами продолжают донное траление в пределах своих ИЭЗ – в том числе субантарктических островов [Петров, Касаткина 2019] – но выступают резко против данного метода в зоне действия АНТКОМ.

<sup>13</sup> Заявление Председателя Конференции по сохранению морских живых ресурсов Антарктики. CCAMLR. (<https://www.ccamlr.org/ru/organisation/camlr-convention-text>).

<sup>14</sup> CCAMLR-XXXI. P. 42. (<https://www.ccamlr.org/en/system/files/e-cc-xxxi.pdf>).

В результате можно констатировать, что уже сейчас, после создания МОР в море Росса и с учетом закрытых ранее акваторий, стали недоступными около 70% промысловых участков Антарктики. Ограничения привели к тому, что, согласно статистическим данным АНТКОМ, за период с 2008 по 2020 гг. вылов ВБР Российской Федерацией в водах Антарктики сократился более чем в 25 раз: с 9,65 тыс. тонн до 0,366 тыс. тонн. Россия сейчас ведет лишь вылов антарктического клыкача, в то время как вылов патагонского клыкача, криля, ледяной рыбы, макрурусы, антарктического краба и скатообразных сведен к нулю. Безусловные лидеры в области вылова – Норвегия и КНР, при этом даже Украина нарастила вылов криля с 4,6 тыс. тонн (сезон 2012/2013 гг.) до 20,7 тыс тонн в 2020 г. (таб. 1). В 1980-е гг. вылов криля флотом СССР достигал в среднем 120–130 тыс. тонн в год. Сегодняшнее пороговое значение по крилю в размере 620 тыс. тонн в год, установленное АНТКОМ, с точки зрения представителей российской рыбопромысловой науки «не имеет научного обоснования и является эмпирической величиной» [Корзун, Кухарев, Зайцев, Битютский, Сербин 2020], которая мало коррелирует с показателями общего допустимого улова (ОДУ) в 5,6 млн тонн.

Таблица 1

**Вылов ВБР в водах действия АНТКОМ за 2020 г. по трем ключевым показателям**

Table 1

**Catches in CCAMLR area for 2020 in three key indicators**

№	Страна	Криль (тыс. тонн)	Патагонский клыкач (тыс. тонн)	Антарктический клыкач (тыс. тонн)	Всего (тыс. тонн, вкл. др. виды)
1	Норвегия	245	0	0	245,5
2	КНР <sup>15</sup>	118	0	0	118
3	Южная Корея	44,5	0	1,1	45,7
4	Чили	21,6	0,36	0,14	22
5	Украина	20,7	0	0,53	21,3
6	Франция	0	5,9	0	6,6
7	Австралия	0	3	0,26	4,2
8	Великобритания	0	1,2	0,7	2
9	Новая Зеландия	0	0,3	0,4	0,8
10	Россия	0	0	0,366	0,366

Источник: CCAMLR Statistical Bulletin, Vol. 33 (<https://www.ccamlr.org/ru/document/data/ccamlr-statistical-bulletin-vol-33>).<sup>15</sup>

Source: CCAMLR Statistical Bulletin, Vol. 33 (<https://www.ccamlr.org/ru/document/data/ccamlr-statistical-bulletin-vol-33>).

### Проблемы судоходства и туризма

Судоходство и связанное с ним загрязнение морской среды представляют существенную угрозу всей экосистеме Антарктики. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в данном районе плавают суда под флагами государств, которые не участвуют в СДА,

<sup>15</sup> Китай планирует довести вылов криля до 1 млн тонн из-за потребности в крилевой муке для развития аквакультуры.

а также появляется все больше и больше туристических судов, включая яхты – также под флагами третьих стран [Boone 2013]. В целом это ведет к увеличению риска новых инцидентов, в особенности принимая во внимание то обстоятельство, что возможности по поиску и спасанию в данном регионе крайне ограничены.

С одной стороны, проблем с регулированием судоходства в Антарктике не существует. Так, в Мадридском протоколе (ст. 13–14) зафиксировано, что Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ) полностью применима к зоне действия Договора об Антарктике. Более того, между КСДА и Международной морской организацией (ИМО) существует тесная кооперация и сотрудничество. Так, например, еще в 1990 г. по инициативе КСДА ИМО определила район действия Договора об Антарктике в качестве «особого района», где необходимы специальные обязательные методы предотвращения загрязнения морской среды. В частности, в зоне действия Договора об Антарктике был запрещен сброс нефти, вредных жидких веществ и мусора<sup>16</sup>.

В 2010 г. были приняты поправки к МАРПОЛ (Правило 43), касающиеся Антарктики, которые запрещают использовать в регионе сырую нефть, битум, гудрон и их эмульсии – за исключением судов, занимающихся обеспечением безопасности или поисково-спасательными операциями<sup>17</sup>. Ограничения были направлены на то, чтобы запретить большим круизным лайнерам заходить в воды Антарктики [Zebich-Knos, Speth 2015].

В 2017 г. вступил в силу Международный кодекс ИМО для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный кодекс)<sup>18</sup>. Он охватывает весь спектр вопросов, касающихся проектирования, строительства, оборудования, эксплуатации, обучения, поисково-спасательных операций и защиты окружающей среды, которые относятся к судам, работающим в полярных водах. Однако основная проблема кодекса заключается в том, что часть его положений носит обязательный характер, а часть – рекомендательный<sup>19</sup>. Кроме того, текущая версия документа не применима к нескольким категориям судов, которые также изъяты из сферы Международной Конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС). К ним относятся: военные корабли; грузовые суда валовой вместимостью менее 500 рег. т.; суда, не имеющие механических средств движения; деревянные суда примитивной конструкции; прогулочные яхты, не занимающиеся коммерческими перевозками; рыболовные суда<sup>20</sup>. Очевидно, существующих мер недостаточно, и на повестке дня стоит вопрос о разработке второй версии Кодекса или же принятия дополнительных протоколов к нему. Вполне логично было бы, если Секретариат Договора об Антарктике участвовал в разработке регулярных обновлений для Полярного Кодекса [Zebich-Knos, Speth 2015].

Секретариат Договора об Антарктике сообщает о том, что «до 1980-х гг. каждое лето Антарктиду посещали всего несколько сотен туристов. За 2019–2020 гг. Антарктиду посетили уже около 74000 туристов. Подавляющее большинство туристов путешествуют

<sup>16</sup> Special Areas under MARPOL. IMO. (<https://www.imo.org/en/OurWork/Environment/Pages/Special-Areas-Marpol.aspx>).

<sup>17</sup> Amendments to Marpol Annex I to Add Chapter 9 – Special Requirements For The Use Or Carriage Of Oils In The Antarctic Area. IMO. ([https://www.wapps.imo.org/blast/blastDataHelper.asp?data\\_id=28814&filename=189\(60\).pdf](https://www.wapps.imo.org/blast/blastDataHelper.asp?data_id=28814&filename=189(60).pdf)).

<sup>18</sup> Shipping in Polar Waters. IMO. (<https://www.imo.org/en/MediaCentre/HotTopics/Pages/Polar-default.aspx>).

<sup>19</sup> Банщикова И. Между нами тает лед? Полярный кодекс и международное сотрудничество в Арктике. (<https://russiancouncil.ru/blogs/estoppel/mezhdu-nami-taet-led/>).

<sup>20</sup> Часть А. Правило 3 «Исключения» Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС-74) (<http://docs.cntd.ru/document/901765675>).

на пассажирских судах в регион Антарктического полуострова, куда можно добраться из портов Южной Америки за несколько дней»<sup>21</sup>.

Одна из проблем такого туризма – то, что абсолютное большинство национальных правительств не занимаются никаким регуляционным контролем за своими гражданами, которые собираются посетить Антарктику с туристическими целями. Существует единый туристический оператор – Международная ассоциация антарктических туроператоров (ИААТО), которая имеет статус приглашенной экспертной организации в КСДА, однако многие туристические фирмы в нее не входят.

Секретариат Договора об Антарктике занимается вопросами, связанными с туризмом, еще с 1966 г. За прошедшие годы принято около 54 документов, которые регулируют туристическую деятельность в регионе Южного полюса<sup>22</sup>. В 2007 г., принимая во внимание инциденты с судами в районе действия Договора об Антарктике<sup>23</sup>, были приняты рекомендации странам-участникам. В том числе им рекомендовали: 1) препятствовать или не разрешать туроператорам, использующим перевозящие более 50 пассажиров суда, совершать какие-либо высадки в Антарктике; 2) требовать от туроператоров координировать действия друг с другом таким образом, чтобы не более одного туристического судна находилось на месте остановки одновременно; 3) ограничивать количество пассажиров на берегу одновременно в 100 человек или менее<sup>24</sup>. В 2009 г. были обозначены общие принципы антарктического туризма<sup>25</sup>. Однако принятые рекомендации не носят обязательный характер, и стороны могут по собственному усмотрению принимать соответствующие решения.

В результате складывается ситуация, в которой СДА скорее реагирует на рост туристической деятельности в регионе, а не направляет ее развитие. Среди разных государств существуют диаметрально противоположные взгляды на развитие или ограничение туризма, нет универсальной системы мониторинга туристической деятельности, а туризм может стать для тех или иных стран-претендентов удобным проводником их правоприятий, так как он рушит тезис о материке, где на первое место поставлены защита среды и научные исследования. Также на практике туризм зачастую противоречит базовым принципам предосторожного подхода.

Все это вместе подрывает авторитет КСДА, а значит и всей СДА. Саморегулирование не может быть выходом из положения, которое в любой момент может быть усугублено серьезной экологической катастрофой. Ослабление же авторитета КСДА может в перспективе привести к возобновлению дискуссии относительно распространения концепции ОНЧ на всю Антарктику и приданию ООН дополнительных полномочий в этой сфере, т.к. эксклюзивный характер управления регионом устраивает не все государства. Таким образом, именно бездействие в данной области становится главным вызовом для всей СДА [Verbitsky 2013].

<sup>21</sup> Туризм и неправительственная деятельность. (<https://www.ats.aq/t/tourism.html>)

<sup>22</sup> База данных Договора об Антарктике. Туризм. (<https://www.ats.aq/devAS/ToolsAndResources/SearchAtd?from=1/1/1958&to=1/1/2158&lang=r&cat=14>).

<sup>23</sup> В 2007 г. канадское круизное судно Explorer после столкновения с подводной льдиной затонуло в водах Антарктики неподалеку от Южных Шетландских островов.

<sup>24</sup> Ship-based Tourism. Секретариат Договора об Антарктике. (<https://www.ats.aq/devAS/Meetings/Measure/385?s=1&from=1/1/1958&to=1/1/2158&cat=14&top=0&type=0&stat=0&txt=&curr=0&page=3>).

<sup>25</sup> General Principles of Antarctic Tourism. Секретариат Договора об Антарктике. (<https://www.ats.aq/devAS/Meetings/Measure/448?s=1&from=1/1/1958&to=1/1/2158&cat=14&top=0&type=0&stat=0&txt=&curr=0&page=2>).

\* \* \*

Антарктика сегодня существенно меняется, так как ее изолированность от всего остального мира, похоже, постепенно сходит на нет. Несмотря на то, что процесс носит длительный характер, появление новых видов деятельности в регионе – биоразведки и туризма – свидетельствует о возникновении в нем бизнес-интересов. Такого рода коммерциализация размывает всю философию СДА, которая зиждется на двух столпах: приоритет защиты окружающей среды и научные исследования. Системы вынуждена реагировать на новые вызовы, но пока не очень успешно. Отсутствие регулирования в области туризма создает угрозу всей экосистеме, а его зарегулированность лишит отрасль привлекательности. Подобная ситуация складывается и в сфере биоразведки: как сохранить хрупкую морскую среду, но при этом получить доступ к новым данным, материалам и технологиям?

С одной стороны, Антарктика остается и будет оставаться основным полигоном для разработки норм и положений международного экологического права [Rothwell 2000, 613]. Экосистемный, предосторожный подходы – абсолютные императивы в рамках СДА. С другой стороны, не все государства согласны с теми ограничениями, которые вводятся, например, в области морского промышленного рыболовства. Россия, КНР и Украина входят в число таких государств. Их позиция тем более заслуживает внимания, так как противостояние по линии защита среды/экономические интересы носит весьма политизированный характер. Некоторые меры – такие как создание МОР – до сих пор вызывают дискуссии в экспертном сообществе, т.к. они плохо коррелируются с нормами и положениями современного международного морского права.

В результате складывается парадоксальная ситуация, когда те или иные виды морехозяйственной деятельности и меры, принимаемые КСДА в их отношении, становятся источниками конфликтов между странами-членами Договора об Антарктике, ослабляют всю СДА изнутри, ведут к росту противоречий. Удастся ли Системе устоять – очень нетривиальный вопрос. Очевидно лишь то, что возможная разморозка доступа к разведке и разработке минеральных ресурсов [Гудев 2021] – т.е. к еще одному виду деятельности – станет для нее финальным испытанием.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голицын В.В. (1990) Международно-правовой режим Антарктики. Автореферат диссертации на соискание уч. степени д.ю.н. М.: Дипакадемия МИД СССР. 31 с.
- Гудев П.А. (2014) Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М.: ИМЭМО РАН. 201 с.
- Гудев П.А. (2021) Проблемы Системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты) // Общественные науки и современность. №6. С. 91–103.
- Зайцев А.К., Ребик С.Т., Кухарев Н.Н. (2019) Проблемы современного промысла антарктическо-го и пагагонского клыкачей (*Dissostichus* spp. J) в водах Антарктики // Вопросы рыболовства. № 3. С. 339–349.
- Корзун Ю.В., Кухарев Н.Н., Зайцев А.К., Битютский Д.Г., Сербин В.В. (2020). Криль Индоокеанского сектора Антарктики и перспективы возобновления его отечественного промысла // Промысловые беспозвоночные. Материалы IX Всероссийской научной конференции. Симферополь, Ариал. С. 61–67.
- Кухарев Н.Н., Зайцев А.К. (2018) Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики и проблемы управления // Водные ресурсы и среда обитания. Т. 1. № 2. С. 70–94.

Лукин В. (2014) Антарктика и вопросы мироустройства // Россия в глобальной политике. № 6. С. 152–163.

Петров А.Ф., Касаткина С.М. (2019) Морские охраняемые районы (МОП) в Антарктике – инструмент геополитической борьбы // Рыбное хозяйство. № 3. С. 3–16.

Boone L. (2013) International Regulation of Polar Shipping // in: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 193–215. DOI: [https://doi.org/10.1163/9789004255210\\_010](https://doi.org/10.1163/9789004255210_010).

Green J. (2001) Australian Maritime Boundaries: The Australian Antarctic Territory // *Marine Policy*. Vol. 25 (1). Pp. 1–11.

Guyomard A.-I. (2006) Bioprospecting in Antarctica: A New Challenge for the Antarctic Treaty System. // in Francioni, F., & Scovazzi, T. (Eds.). *Biotechnology and International Law*. London: Hart Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.5040/9781472563705>.

Jabour-Green J., Nicol D. (2003) Bioprospecting in Areas Outside National Jurisdiction: Antarctica and the Southern Ocean // *Melbourne Journal of International Law*. Vol. 4. No. 1. Pp. 76–112.

Lefeber R. (2013) Marine Scientific Research in the Antarctic Treaty System // in: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 323–341. DOI: [https://doi.org/10.1163/9789004255210\\_015](https://doi.org/10.1163/9789004255210_015).

Molenaar E.J. (2001) CCAMLR and Southern Ocean Fisheries // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 16(3). Pp. 465–499. DOI: <https://doi.org/10.1163/157180801X00171>.

Rothwell D.R. (2000) Polar Environmental Protection and International Law: The 1991 Antarctic Protocol // *European Journal of International Law*. Volume 11. Issue 3. Pp. 591–614. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/11.3.591>.

Serdy A. (2013) Antarctic Fisheries Management // In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 217–242. DOI: [https://doi.org/10.1163/9789004255210\\_011](https://doi.org/10.1163/9789004255210_011).

Smith D., McGee J., Jabour J. (2016) Marine Protected Areas: A Spark for Contestation Over ‘Rational Use’ of Antarctic Marine Living Resources in the Southern Ocean? // *Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs*. Vol. 8. Issue 3. Pp. 180–198. DOI: 10.1080/18366503.2016.1229398.

Scott S.V. (2013) The Evolving Antarctic Treaty System: Implications of Accommodating Developments in the Law of the Sea // In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 17–34. DOI: [https://doi.org/10.1163/9789004255210\\_003](https://doi.org/10.1163/9789004255210_003).

Verbitsky J. (2013) Antarctic Tourism Management and Regulation: The Need for Change // *Polar Record*. Vol. 49. Issue 3. Pp. 278–285. DOI: 10.1017/S003224741200071X.

Vidas Davor (2000) Emerging Law of the Sea Issues in the Antarctic Maritime Area: A Heritage for the New Century? // *Ocean Development & International Law*. Vol. 31. Issue 1–2. Pp. 197–222. DOI: 10.1080/009083200276120.

Zebich-Knos, M., & Speth, J.G. (2015) Managing Polar Policy through Public and Private Regulatory Standards: The Case of Tourism in the Antarctic // In: *Diplomacy on Ice: Energy and the Environment in the Arctic and Antarctic*. Ed(s): Pincus R., Ali S. H. Yale University Press. Pp. 94–110. (<http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x1stj.11>).

## REFERENCES

Boone L. (2013) International Regulation of Polar Shipping. In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 193–215. DOI: [https://doi.org/10.1163/9789004255210\\_010](https://doi.org/10.1163/9789004255210_010).

- Green J. (2001) Australian Maritime Boundaries: The Australian Antarctic Territory. *Marine Policy*, vol. 25(1), pp. 1–11.
- Golicyn V.V. (1990) *Mezhdunarodno-pravovoj rezhim Antarktiki* [The International Legal Regime of Antarctica]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch. stepeni d.yu.n. M.: Dipakademiya MID SSSR. 31 p.
- Gudev P.A. (2014) *Konvenciya OON po morskomu pravu: problemy transformacii rezhima* [The UN Convention on the Law of the Sea: problems of regime transformation]. Moscow: IMEMO RAN. 201 p.
- Gudev P.A. (2021) Gudev P.A. (2021) Problemy Sistemy Dogovora ob Antarktike (politiko-pravovye aspekty) [Problems of The Antarctic Treaty System (Political and Legal Aspects)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 91–103.
- Guyomard A-I. (2006) Bioprospecting in Antarctica: A New Challenge for the Antarctic Treaty System. In: *Biotechnology and International Law*. Ed(s): Francioni, F., & Scovazzi, T. London: Hart Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.5040/9781472563705>.
- Jabour-Green J., Nicol D. (2003) Bioprospecting in Areas Outside National Jurisdiction: Antarctica and the Southern Ocean. *Melbourne Journal of International Law*. vol. 4, no. 1, pp. 76–112.
- Korzun Yu.V., Kuharev N.N., Zajcev A.K., Bityutskij D.G., Serbin V.V. (2020). Kril' Indookeanskogo sektora Antarktiki i perspektivy vozobnovleniya ego otechestvennogo promysla [Krill of the Indian Ocean Sector of the Antrctic and Prospects for Resumption of Its Domestic Fishery]. *Promyslovye bespozvonochnye. Materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Simferopol', Arial. Pp. 61–67.
- Kuharev N.N., Zajcev A.K. (2018) Konvenciya o sohranении morskikh zhivyh resursov Antarktiki i problemy upravleniya [Convention on the Conservation of Antarctic Marine Living Resources and Management Problems]. *Vodnye resursy i sreda obitaniya*. vol. 1, no. 2, pp. 70–94.
- Lefebvre R. (2013) Marine Scientific Research in the Antarctic Treaty System. In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 323–341. DOI: [https://doi.org/10.1163/9789004255210\\_015](https://doi.org/10.1163/9789004255210_015).
- Lukin V. (2014) Antarktika i voprosy miroustrojstva [Antarctica and World Order Issues]. *Rossiya v global'noj politike*. no. 6, pp. 152–163.
- Molenaar E.J. (2001) CCAMLR and Southern Ocean Fisheries. *The International Journal of Marine and Coastal Law*. vol. 16, issue 3, pp. 465–499. doi: <https://doi.org/10.1163/157180801X00171>.
- Petrov A.F., Kasatkina S.M. (2019) Morskie ohranyaemye rajony (MOR) v Antarktike – instrument geopoliticheskoy bor'by [Marine Protected Areas (MPAs) in Antarctica – an Instrument of Geopolitical Struggle]. *Rybnoe hozjajstvo*. no. 3, pp. 3–16.
- Rothwell D.R. (2000) Polar Environmental Protection and International Law: The 1991 Antarctic Protocol. *European Journal of International Law*. vol.11, issue 3, pp. 591–614. <https://doi.org/10.1093/ejil/11.3.591>.
- Serdy A. (2013) Antarctic Fisheries Management. In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 217–242. DOI: [https://doi.org/10.1163/9789004255210\\_011](https://doi.org/10.1163/9789004255210_011).
- Smith D., McGee J., Jabour J. (2016) Marine Protected Areas: A Spark for Contestation over 'Rational Use' of Antarctic Marine Living Resources in the Southern Ocean? *Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs*. vol. 8, issue 3, pp. 180–198. DOI: 10.1080/18366503.2016.1229398.
- Scott S.V. (2013) The Evolving Antarctic Treaty System: Implications of Accommodating Developments in the Law of the Sea. In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 17–34. DOI: [https://doi.org/10.1163/9789004255210\\_003](https://doi.org/10.1163/9789004255210_003).
- Verbitsky J. (2013) Antarctic Tourism Management and Regulation: The Need for Change. *Polar Record*. vol. 49, issue 3, pp. 278–285. doi:10.1017/S003224741200071X.
- Vidas Davor (2000) Emerging Law of the Sea Issues in the Antarctic Maritime Area: A Heritage for the New Century? *Ocean Development & International Law*. vol. 31, issue 1–2, pp. 197–222. DOI: 10.1080/009083200276120.

Zajcev A.K., Rebik S.T., Kuharev N.N. (2109) Problemy sovremennogo promysla antarkticheskogo i patagonskogo klykachej (*Dissostichus* spp. J) v vodah Antarktiki [Problems of Modern Antarctic and Patagonian Toothfish (*Dissostichus* spp. J) Fishing in Antarctic Waters]. *Voprosy rybolovstva*. no. 3, pp. 339–349.

Zebich-Knos, M., & Speth, J.G. (2015) Managing Polar Policy through Public and Private Regulatory Standards: The Case of Tourism in the Antarctic. *Diplomacy on Ice: Energy and the Environment in the Arctic and Antarctic*. Ed(s): R. Pincus, S.H. Ali. London: Yale University Press. Pp. 94–110 <http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x1stj.11>

### Информация об авторе

**Гудев Павел Андреевич**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: [gudev@imemo.ru](mailto:gudev@imemo.ru)

### About the author

**Pavel A. Gudev**, Candidate of Sciences (History), Leading Research Associate, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: [gudev@imemo.ru](mailto:gudev@imemo.ru)

Статья поступила в редакцию / Received: 16.02.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 24.03.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 30.03.2022